

**В.И. Кащеев,
А.А. Синицын**

**COLLOQVIVM CLASSICVM-II:
ПРОБЛЕМЫ АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ
И КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.
К XX-ЛЕТИЮ НАУЧНОГО СЕМИНАРА «COLLEGIVM CLASSICVM»**

(Саратов, 29–30 мая 2010 г.)

В последние дни весны, 29–30 мая 2010 года, в Саратове при поддержке Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского и Областной универсальной научной библиотеки Саратовской области прошел коллоквиум, посвященный двадцатилетию научного семинара «Collegium classicum».

Напутственным словом конференцию открыла директор Областной универсальной научной библиотеки, заслуженный работник культуры РФ Л.А. Канущина. Затем с приветственной речью, обращенной к участникам коллоквиума, выступила директор ИИиМО СГУ д.э.н., профессор Т.В. Черевичко, отметившая уникальность (в смысле редкости и самобытности) античного семинара как явления в рамках Саратовского государственного университета в целом и феноменальное «долголетие» этого явления.

Руководитель научного семинара «Collegium classicum» д.и.н., профессор кафедры истории древнего мира СГУ В.И. Кащеев в своем вступительном слове рассказал об истории семинара, который начал свою работу при кафедре истории древнего мира Саратовского университета осенью 1990 г. как студенческий спецсеминар. Поскольку в течение первых 10 лет занятия проходили по средам, он тогда назывался «Античная среда». В.И. Кащеев вкратце сказал о характере семинара, о духовных исканиях и преемственности студенческих «поколений» его участников 1990-х – 2000-х годов. Он осветил этапы становления «семинаристов» и напомнил, что десятилетний юбилей семинара был отмечен в мае 2001 г., когда состоялась конференция «Colloquium classicum-I», на которой присутствовали коллеги из Астрахани, Казани и Москвы.

Научную часть работы коллоквиума открыл московский гость, старый друг Collegium'a и участник первого Colloquium'a, к.филол.н., научный сотрудник Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ А.И. Любжин (Москва). Он выступил с докладом на тему

«Античные интересы русского политического деятеля и мецената: книги из библиотеки Ивана Ивановича Шувалова». Докладчик показал, что двойственный характер фаворита Императрицы Елизаветы делает его книжное собрание вдвойне интересным: интеллектуальные и нравственные качества И.И. Шувалова обеспечивают за ним роль и значение одного из самых выдающихся представителей российской элиты XVIII столетия, но его образование вполне типично для дворянского сословия эпохи. Потому его интересы – это своего рода предельный, «идеальный» вариант для интеллектуала-аристократа. Фрагмент шуваловской библиотеки, содержащийся в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ, по-видимому, является одним из наиболее значительных. В собрании преобладают книги по истории (как новейшей, так и древней), неплохо представлен театр, фрагментарно, хотя суммарно большим количеством имен и изданий, – философия и незначительно – изящная словесность. Слабый интерес к литературе классического мира сочетается у нашего героя с ярко выраженными «внехудожественными» приоритетами (что не выделяет античность из круга однородных явлений). Трудно сказать, насколько типичным было очевидное преобладание интеллектуальных интересов над эстетическими; но то, что античность входит в круг интересов просвещенного аристократа наравне с западноевропейским наследием Нового времени, не подлежит не малейшему сомнению.

Продолжая тему рецепции античной культуры, с докладом «”Братья, будем целомудренны как римляне!”: Цинциннат и Чехов» выступил профессор В.И. Кацеев. Он показал, что уже в эпоху Римской республики сложилась «легенда» о Л. Квинции Цинциннате, римском консule 460 г. и диктаторе 458 г. до н.э. Тексты Дионисия Галикарнасского, Ливия, Евтропия и других античных авторов позволяют понять основные элементы этой «легенды». Образ Цинцинната перешел из античности в культуру нового времени и стал символом добродетельного гражданина, достойного главы семейства, патриота отечества и скромного труженика, жизнь которого прочно связана с землей. Проанализировав тексты нескольких писем А.П. Чехова, созданных весной 1892 г., и его рассказ под названием «Отрывок», докладчик пришел к выводу о том, что рецепция образа Цинцинната в творчестве Чехова позволяет лучше понять некоторые события в биографии великого писателя, относящиеся, в частности, к мелиховскому периоду его жизни, а также по новому взглянуть на отдельные стороны его творческого метода.

Во втором блоке заседаний были представлены два доклада на философские темы. В своем выступлении «Метафора бодрствующей и спящей жизни: Гераклит – Аристотель» к.фил.н., доцент кафедры теоретической и социальной философии философского факультета СГУ М.А. Богатов обратился к метафоре *сна* и *бодрствования* в античной философии. Несмотря на то, что метафора *сна* задействована уже у Гераклита (DK I), настоящую проблему, по мнению докладчика, она представляет в «Этике» Аристотеля. Когда в «Евдемовой этике» Стагирит говорит (1219 а 24 sqq.) о назначении души как «производстве

жизни», а жизнь рассматривает в качестве «применения [чего-то] и бодрствования», то здесь возникает вопрос о статусе этого «бодрствования». Во второй половине XX в. в философии произошел так называемый «практический поворот», который можно наблюдать на примере двух, изначально различных, школ. С одной стороны, в творчестве позднего Х.-Г. Гадамера выдвигается тезис «бытие – это интерпретация», с другой – в исследованиях М. Фуко актуализуются «античные практики заботы о себе» (один из последних курсов лекций, посвященных данной тематике, называется «Герменевтика субъекта»). Таким образом, философия своими средствами приходит к выводу о недостаточности этих средств, что, однако, не ведет к отказу от нее, но – если следовать мысли М. Хайдеггера, – напротив, направляет нас к доновоевропейским началам мысли. Одним из таких начал является этическая традиция античной Греции и Рима – философия как образ жизни. По мнению М.А. Богатова, именно для исследования этой, по сути, нерелигиозной практики конституирования собственной субъективности, и представляет особый интерес понимание аристотелевской метафоры *бодрствования*.

В докладе *И.В. Андерсона «Платон и Демокрит у Мамардашвили»* было показано, как М.К. Мамардашвили анализировал метафизические интуиции Демокрита и Платона, используемые для объяснения тех условий, при которых возможны переживаемые человеком состояния мысли, которые в свою очередь недоступны ему простым продлением своих физических возможностей. При этом М.К. Мамардашвили полагал, что занятие философией античные мыслители практиковали не просто для составления определенной картины мира, а прежде всего как способ или «механизм», с помощью которого человек получал возможность реализовать свое предназначение. Предназначение человека имеет исключительно нравственную основу. Он должен реализоваться в таких состояниях, как совесть, любовь, долг, честь. Именно эти состояния не только ничем не гарантированы, но и принципиально не имеют причин в реальности, непосредственно доступной человеку. Поэтому античные мыслители введением особых метафизических интуиций показывали механизм осуществления этих состояний. Демокрит устанавливает понятие *Пустоты*, как фундаментальное устройство мира, гарантирующее возможность каждому человеку пройти именно свой путь. *Пустота* символизирует всегда открытую возможность для личной совести, любви и т.д., а также символизирует сами эти состояния как то, для чего не может быть никакой причины. Платон вводит метафизическую интуицию смерти, показывая тем самым, что для реализации этих состояний человек должен отказаться от себя «прежнего», привычного, быть готовым принять самые неожиданные повороты судьбы, собственно принести в жертву свои эгоистические мотивы, умереть, чтобы вновь родиться. Таким образом, М.К. Мамардашвили полагал, что античные мыслители, в частности Демокрит и Платон, открытием таких интуиций, как *Пустота* и *Смерть*, заложили основы подлинной философской традиции, отражающей реалии конкретной жизни.

Лейтмотивом следующего заседания звучала военная тема. Аспирант СГУ И.Ю. Соколов выступил с докладом на тему «Дόρυ и єύχος: о терминологии наступательного вооружения в гомеровском эпосе», в котором показал, что в *Илиаде* и *Одиссее* представлено несколько терминов, которые обозначают копье – основное вооружение гомеровских героев. Однако все эти термины имеют весьма общее значение; часто используется терминология, связанная с материалом, из которого изготавливались копья: медь, ясень и т.п., – либо употребляются понятия, относящиеся к использованию копья, например, βέλος – «копье», «стрела», «камень», то есть все, что можно бросить, метнуть. Исключение составляют два термина, которые также имеют аналоги в линейном письме В – они встречаются в текстах табличек как наименования вооружения. Обозначенные понятия часто употребляются в *Илиаде* и *Одиссее* вместе, сменяя друг друга, так что на первый взгляд может показаться, что это синонимы. Но более пристальное рассмотрение ситуации приводит к выводу, что термин *δόρυ* часто обозначает древко копья. Подтверждением тому служат фрагменты поэм, где именно это понятие используется в значении «корабельный лес». Происхождение этого термина показывает нам, что его значение восходит к индоевропейской основе, обозначающей «дерево», «дуб». Однако этот термин также связан с троянским конем, который позволил грекам захватить Трою, и боевой колесницей. Даже в значении «корма корабля» *δόρυ* разрезает волны, то есть сохраняет свои функции как оружие. Вероятно, что это вооружение использовалось еще в эпоху каменного века и могло вообще не иметь наконечника. В миленскую эпоху оно могло служить элементом ритуала, как например, использовали подобные копья фециалы в Риме. По крайней мере сюжет с ослеплением Полифема является доказательством того, что Гомер знал о таком оружии. Подобная ситуация интересна тем, что копье – єύχος связано с бронзой. Об этом свидетельствуют употребленные эпитеты относительно этого вооружения в поэмах Гомера: для *δόρυ* постоянно подчеркивается, что это копье было изготовлено из меди, тогда как для єύχος, в этом, очевидно, не было необходимости. Глагол χέω, к которому этот термин восходит по своей этимологии, также употребляется в *Илиаде* и *Одиссее* в значении плавки металла (золота, серебра, меди). Более того, в табличках линейного В из Пилоса в списке кузнецов упоминается *e-ke-i-ja-ta*, предположительно это профессия оружейника, который специализировался на изготовлении копий. Примечательно, что у поздних авторов (Геродот, Фукидид, Ксенофонт и т.д.) термин єύχος практически не употребляется, за исключением текстов греческих трагиков, где он может выступать в качестве синонима копья, меча, стрелы. Очевидно, что таким образом авторы хотели передать древность описывающей эпохи, которая еще не знала железа.

К.и.н., доцент кафедры истории древнего мира СГУ А.А. Синицын выступил с докладом на тему «О расстояниях однодневного перехода войск у древних греков». На основании свидетельств античных нарративных источников и расчетов топографии маршрутов греческих

армий докладчик представил показатели суточных передвижений гоплитов в классическую эпоху. На многочисленных примерах было показано, что тяжеловооруженные воины проходили в сутки в среднем 20–25 км. Затем А.А. Синицын привел данные о более высоких «нормативах» однодневного перехода армий греков. Как рассказывает Геродот (V.52–54), Аристагор Милетский считал, что путь от Сард до Суз спартанское войско могло одолеть за три месяца. Опираясь в данном случае на общие знания о скорости передвижения армии, «отец истории» определил среднюю величину однодневного марша в 30–35 км. Второй хрестоматийный пример из Геродота о преодолении гоплитами «марафонской дистанции» (VI.116): одержав победу над персами при Марафоне, свидетельствует историк, афиняне «поспешали со всех ног на защиту своего города» (*ώς ποδῶν εὖχον τάχιστα ἐβοήθεον ἐς τὸ ἀστυ*) и форсированным маршем покрыли 42 км. Согласно Фукидиду (IV.70.1, 2), во время мегарской операции Брасид с войском 3700 пелопоннесцев за один переход по гористой местности Мегариды прошел 35–40 км от Коринфа до Триподиска; по мнению Г. Бузольта, расстояние от Мегар до Коринфа, равное приблизительно 60 км, вестник, посланный к Брасиду, мог преодолеть за 8–9 часов. В рассказе о халкидико-фракийском походе Фукидид сообщает (IV.78.5), что Брасид с 1700 воинов за половину дня *ускоренным маршем* (*δρόμῳ*) преодолел путь от Мелитеи до Фарсала – приблизительно 40 км. В другом месте историк рассказывает (Thuc. VI.65, 66), что в 415 г. до н.э. армия сиракузян и их союзников за полтора дня покрыла путь от Сиракуз до реки Симеф и обратно, пройдя более 90 км. Устойчивые временные обороты, встречающиеся в «Анабасисе» Ксенофonta свидетельствуют, что многотысячная армия греческих наемников за один день проходила от 20 до 40 км; а в некоторых случаях афинский историк называет переходы по 10 *парасангов* в сутки, что составляет свыше 50 км; докладчик соотнес свои вычисления показателей Ксенофonta с расчетами О. Ленда и Дж. Ли. Известный коллекционер многочисленных образчиков военного искусства Полиэн полагал, что феномен македонской «науки побеждать» заключается в том, что Филипп II приучал своих воинов проходить по 300 стадиев в день (53/4 км), неся на себе полное воинское снаряжение, продовольствие и утварь (Polyaen. IV.2.10). Принято считать, что средняя скорость на марше греческого тяжеловооруженного войска составляла 4 км/ч; в таком случае, двигаясь ровным темпом, за 12 часов в сутки (остальное же время отводя на отдых, еду и умеренный сон) оно могло пройти до 50 км. Гоплиты были способны передвигаться и с более высокой скоростью – по 6 км/ч, даже принимая во внимание топографические особенности маршрута: подъемы и спуски, узкие ущелья и лесные тропинки, переправы и проч. Тогда за те же 12 часов при максимальной скорости марша войско при необходимости могло пройти 70 км в день. И хотя такие дистанции однодневного перехода надо признать исключительными, все же в источниках содержатся примеры такого рода. Образец «рекордного» для классической эпохи расстояния суточного марша, встречается у Геродота. Историк свиде-

тельствует, что в 490 г. до н.э. 2000 спартанцев совершили быстрый переход, преодолев около 220 км за 3 неполных дня (VI.120.1). Это же подтверждает и Исократ (IV.87). Геродот делает акцент на том, что гоплиты дошли от Спарты до Аттики *форсированным маршем* (ἐχούτες ποιδὴν πολλήν καταλαβεῖν οὕτω ὥστε τριταῖον ἐγένοντο ἐν τῇ Ἀττικῇ), преодолев более 1200 стадий, что составляет в среднем по 70–75 км в сутки. Эти показания Геродота и Исократа являются дискуссионными. Большинство исследователей соглашаются с данными источников, полагая, что 3 дня – это реальный срок, чтобы пройти путь от Спарты до северо-западной границы Аттики или даже до самих Афин; таково мнение Р. Мэкэна, Л. Скотта, который считает расстояние однодневного перехода по 75 км «*above average*», но вполне реальным, и П. Крентца – называет возможную дистанцию 70 км в день. Скептическое отношение к этим сообщениям источников высказал Дж. Холока, по мнению которого, двухтысячная армия спартанских гоплитов, обремененная рабами-оруженосцами и значительным обозом, должна была затратить на этот переход 4–5 суток. По мнению А.А. Синицына, «километраж», засвидетельствованный Геродотом и Исократом, – около 70 км, – является возможным максимумом для однодневного перехода древнегреческого войска. Двигаясь на пределе сил, воины вполне могли выдержать максимальный темп в течение 3–4 дней. Но известны и длительные переходы армий с одинаково высокой скоростью в течение 6–7 дней. Опираясь на изыскания Дж. Рота и коррелируя данные нарративных источников и античной топографии, докладчик в заключение привел наиболее характерные примеры «рекордных» расстояний суточного перехода армий в эллинистическую эпоху (по 65–75 км), когда форсированные марши стали главной особенностью ведения войны и именно с их помощью полководцы часто добивались стратегического и тактического преимущества.

На последнем заседании этого дня были заслушаны два доклада по истории эллинизма. В своем выступлении на тему «Карта колоний Селевка I: к вопросу о колонизационной политики Селевкидов в начале III в. до н.э.» аспирант ИВИ РАН С.В. Смирнов (Москва) рассмотрел особенности колониальной политики Селевка I. Принимая во внимание свидетельства древних авторов (Аппиана и Иоанна Малала), а также проведя анализ археологического материала, была сделана попытка обозначить основные регионы греко-македонской колонизации в конце IV – начале III в. до н.э. Активная колонизационная политика Селевка началась после победы над Антигоном в 301 г. до н.э., и при соединением к его государству Сирии и Фригии. Важнейшим центром колонизационной политики становится Сирия, где появляются крупные города, такие как: Селевкия в Пиерии, Антиохия на Оронте, Апамея, Лаодикея у моря. В целом регион Сирии имел важное экономическое, политическое и стратегическое значение. Достаточное количество колоний было выведено и в среднеазиатском регионе. В Бактрии, Согдиане и Маргиане также были выведены новые и перестроены старые колонии. Селевкидские поселения появляются и в

Парфии, Сузиане, Мидии. Особый интерес представляет собой Персия. Основываясь на археологическом материале, как полагает С.В. Смирнов, можно утверждать, что и в этом регионе уже в конце IV в. до н.э. появляются греко-македонские колонии.

Завершил первый день работы коллоквиума доклад аспиранта СПбГУ А.И. Юрина (С.-Петербург) «Закон о гимнасиархии из Берои II в. до н.э.», в котором был рассмотрен устав о гимнасии из македонского города Берои и сделана попытка соотнести содержание этого эпиграфического источника с внутриполитической ситуацией в державе Антигонидов (примерная дата декрета – первая треть II в. до н.э.). Декрет о гимнасии из Берои является универсальным источником по разным аспектам жизни эллинистической Македонии. Отмечая обширность сведений надписи, докладчик остановился исключительно на двух аспектах македонского общества – политическом и социальном. Только на основании сведений устава, считает А.И. Юрин, можно обрисовать относительно полную картину городского самоуправления Берои: город обладал своими законами, органами самоуправления (народное собрание), магистратами. На основании закона о гимнасиархии докладчик проследил социальную структуру Берои, в частности категории свободных граждан, вольно-отпущенников, рабов. Между тем, устав о гимнасии из Берои отличается от других эллинистических образцов. В отличие от классического гимнасия, где уделяется внимание и физическому и духовному воспитанию молодежи, в гимнасии Берои ведущая роль отводится физическому воспитанию. Пытаясь объяснить эту особенность и включить этот закон в контекст политической истории державы Антигонидов, А.И. Юрин сделал предположение, что появление этого закона связано со сложной ситуацией после Второй Македонской войны. По условиям мира Филипп V не должен был иметь пешее войско более 5 тыс. человек. Между тем античная традиция передает, что Филипп V втайне от римлян тренировал воинов внутри страны. Другими словами, закон о гимнасиархии мог являться продолжением царской политики по восстановлению Македонии.

Второй день работы коллоквиума 30 мая начался с доклада заместителя директора Областной универсальной научной библиотеки Саратовской области В.В. Жучкова «От Народной аудитории к Областной универсальной научной библиотеке». Библиотека была основана в 1831 г. по инициативе адмирала Мордвинова – президента Вольного экономического общества. Первоначально библиотека располагалась в самых разных зданиях города: в мужской гимназии, Дворянском собрании, городской Думе, Радищевском музее. Выдающийся вклад в ее развитие был сделан И.Я. Славиным – гласным городской Думы, инициатором постройки Народной аудитории, бессменным попечителем библиотеки с 1883 по 1913 гг. Докладчик показал, что важным событием в истории библиотеки стало проведение городской Думой конкурса на лучший проект здания, где планировалось разместить библиотеку, Народную аудиторию, городской общественный банк. Победа в конкурсе досталась проекту под девизом «Волга» петербургского ар-

хитектора Н.М. Проскурнина. Десять лет (с 1901 по 1911 г.) в здании Народной аудитории вместе с библиотекой работала Саратовская Ученая архивная комиссия, выдающимися членами которой были Н.Н. Львов (1864–1944), А.Н. Минх (1835–1912), Р.П. Федотов (1886–1951). Докладчик привел многочисленные факты, показывающие, что в годы революции библиотека и народная аудитория продолжали играть важную роль в культурной жизни Саратова. В Народной аудитории выступали известные деятели науки, культуры, религии, политики: епископ Гермоген, профессор В.Д. Зернов, И.В. Минаев, В.Б. Зайковский, В.П. Антонов-Саратовский. В годы Великой Отечественной войны читателями библиотеки являлись известные профессора Ленинградского университета Б.М. Эйхенбаум, Г.А. Гуковский, Ю.Г. Оксман и др., а также видные артисты МХАТ И.М. Москвин, А.Н. Грибов, О.Н. Андровская и др.

В докладе аспиранта СГУ А.М. Беликова «Об использовании письменности в Милете (ПМ Ia – ПЭ IIc)» были рассмотрены все доступные источники, касающиеся использования письменности в Милете в Позднем Бронзовом веке. Обнаруженные здесь надписи линейного письма A (шесть из которых остаются до сих пор неопубликованными) показывают, что эта письменность применялась жителями поселения данного периода. Интерпретация сведений об использовании письма в более поздних фазах поселения (Милет V – VI) сопряжена с большими трудностями. Ссылки на дипломатическую переписку, которую осуществляли правители Милета, известные из хеттских источников, могут относиться к устным, а не к письменным сообщениям. Иероглифические надписи Латмоса, вырезанные неподалеку от кратчайшего пути из Центральной Анатолии к милетскому побережью, вероятно, обозначали границу между царством Мира и территорией Милета-Миллаванды. Этот факт позволяет говорить о знании и использовании анатолийской иероглифике в регионе. В 1963 и 1968 гг. на территории близ храма Афины в Милете были обнаружены два фрагмента пифосов местного производства, на которые еще до обжига были нанесены знаки. Обычно эти знаки предположительно отождествляют с линейным письмом B, однако такая интерпретация сопряжена с большими трудностями. Кроме этих фрагментов в Малой Азии не было обнаружено больше ни одной надписи линейного письма B. Микенские греки никогда не помечали свои пифосы вырезанными на них знаками этого письма. Идентификация одного из этих знаков с мик. -zo-, а другого с -po- или -a- натянута, поскольку горизонтальная черта, которую должен был иметь знак -zo- только предполагается, а второй знак лучше интерпретировать как серию меток на двух разных уровнях на стенке пифоса. По всей видимости, полагает докладчик, эти знаки представляют собой «метки гончара», которые широко распространяются по Средиземноморью, начиная с периода неолита. Также весьма важной представляется возможная связь стреловидного знака из Милета с анатолийскими «метками гончара» на керамике из Хаттусы, Аладжа-Хойука, Тарса и Гордиона.

К.филол.н., доцент кафедры зарубежных литератур и журналистики Института филологии и журналистики СГУ Л.М. Лукьянова представила доклад на тему «Особенности латинского языка тулузских грамот XII в.». Известно, что традиция использования латинского языка для составления официальных документов сохранялась на протяжении всего средневековья. При этом в связи с постепенным отмиранием латыни как языка живого общения и возникновения на ее почве романских языков писцы-нотариусы всё чаще допускали произвольные искажения, которых иногда бывает настолько много, что некоторые документы оказываются совершенно не доступными для понимания. Лишь после того, как при дворе Карла Великого (VIII–IX вв.) был принят ряд мер по возрождению образования и культуры (в частности, стал основательно изучаться язык классических писателей), повысилась грамотность нотариев, и официальные записи стали доступными для прочтения и понимания. К подобным документам относится и картулярный тулузского консульата, представляющий собой запись городских грамот с 1120 по 1279 гг. Знакомство с этими хартиями позволяет докладчику утверждать, что тулузские нотариусы обучались классическому латинскому языку, ошибки у них встречаются не часто. Безусловно, отступления от норм классической латыни есть, и их следует отметить. Л.М. Лукьянова показала, что в языке тулузских грамот чаще всего присутствуют следующие явления:

1. Монофтонгизация дифтонгов. Дифтонг *ae* почти всегда передаётся, как *e*: *femine* – женщины, *prior ecclesie beate Marie* – приор церкви блаженной Марии, *cum edificio* – вместе со строением, *post hec* – после этого, *mensura aene* – мера овса и т. п. В большинстве случаев *ae* монофтонгизируется и в приставках: *preparaverunt* – они приготовили, *prescriptum* – предписано, *prenominati* – вышеназванные.
2. Написание *ci* вместо классического *ti*, что отражает ассимилированное произношение этого сочетания перед гласными переднего ряда: *incarnacio* – воплощение, *justicia* – справедливость, *sedicio* – раздор, *precium* – стоимость, *retencio* – удержание, *laudacio* – восхваление.
3. Упрощение геминат, чаще всего *tt*: *comunis* – общий, *comunarii* – члены коммуны, *gema* – печать, *acomodare* – предпринимать, *comisit* – он поручил.
4. Встречаются случаи синкопы краткого гласного: *farina bene molta* – хорошо смолотая мука, вместо классического написания *molita*.
5. Неоднократно употребляется придыхательный там, где в классической латыни его не было: *husus* – употребление, *heneus* – медный, *hedificium* – строение. Это, по-видимому, можно объяснить гиперкоррекцией. Касаясь лексики тулузских грамот, Л.М. Лукьянова отметила большое число существительных со значением действующего лица, образованных посредством суффиксов *-tor*, *-sor*, *-arius*: *revendor* – перекупщик, *malefactor* – злодей, *fidejussor* – поручитель, *salinarius* – торговец солью, *frenarius* – уздечник, *vintarius* – виноторговец. Часто встречаются описательные формы, что не характерно для классической латыни: *operarius lapidum* – каменщик, *operarius lignorum* – плотник, *lapides mensurie* – гири. Есть довольно много случаев субстантивированного употребления глагола

posse мочь в значении власть: *mandaverunt se in posse et in obside* – *вверили себя во власть и в залог, in suo posse* – в его власти. В докладе было отмечено и большое число заимствований из французского языка. При этом часто к основе французского слова присоединен латинский формант: *guerra* война из *guerre*, *barilus* бочонок из *baril*, *jornata* сутки из *journee* день, *cavalcata* – конное ополчение из *cavalcade* группа всадников, *franquimentes* вольности из *franchise* привилегия, вольность, *boca* – пойма реки из *bocage* роща. Влияние французского языка проявляется и в употреблении именных конструкций с предлогом *de*, выражающих принадлежность, свойство или количество: *homines et femine de castri Albinelli* – мужчины и женщины кастелла Альбинелла, *ecclesia beate Marie de Aurate* – церковь блаженной Марии Аураты, *mensura de blato* – мера зерна. Таковы основные особенностей языка тулузского картулярия, который, в основном, близок к классической норме, но, будучи написан в условиях большого изменения устной речи, не был свободен от многочисленных отступлений от этой нормы. Безусловно, эти отступления должны приниматься во внимание всеми, кто намеревается заниматься переводом подобных хартий.

В докладе «Пограничные территории в Романе об Александре (Ps.-Call., редакции α и β» аспирант СГУ А.В. Михайлов показал, что преодоление границ – одна из главных сюжетных линий как древнегреческого первоисточника *Романа об Александре*, так и поздних переводных версий. Докладчик проанализировал несколько сюжетов из двух легендарных писем Александра своей матери Олимпиаде (α II.22.13, III.27-29; β II.23-41, III.27-29). Первое письмо представлено подробно в редакции β, второе письмо присутствует в первой и во второй редакциях и имеет примерно схожую сюжетную линию. Внимание было обращено, прежде всего, на проблему перехода из одной территории в другую, отличающуюся от первой не только географическими и пространственными категориями, но, в первую очередь, различные по своему качеству: преодоление границы в данном случае понимается как переход из одного состояния мира в качественно иное. При этом герой, стремящийся переместиться от одной территории к другой, должен получить «разрешение» на пересечение этой границы. В письмах Александра к Олимпиаде А.В. Михайлов рассматривал следующие моменты такого качественного перехода: путешествие к острову, попытка пересечь «землю блаженных», встреча с птицами, преграждающими дальнейшее путешествие героя (β II.38-40), посещение города Солнца, встреча с птицей, обитающей в одном из дворцов персидского царя (α, β III.27-29). Во всех перечисленных эпизодах Александр отказывается от попытки перейти возникшую перед ним преграду и вынужденно отступает. Фатализм и невозможность познать недоступный для Александра мир становятся лейтмотивом многих версий *Романа об Александре*. Пограничные территории, границы между ними и «стражи» запредельного мира предстают перед читателем в образе конкретных стихий (вода, воздух), зверей и птиц (гигантские крабы, рыбы, птицы с человеческим лицом). Во всем этом док-

ладчик склонен видеть влияние работы народного сознания, наделившего эти образы важным системообразующим мифологическим элементом.

В докладе аспиранта СГУ В.А. Леуса «“Легенда о Сципионе”: исторический деятель Римской республики в восприятии современников и потомков» дается определение «легенде» как многослойному комплексу представлений и рассказов о Сципионе Африканском Старшем, который возник при жизни римского полководца, развивался и принял наиболее полный вид к началу новой эры. Основная черта этих представлений и рассказов – сверхчеловеческая природа Сципиона, которая выражалась в зачатии героя от змея (бог или дух предка), помоги ему богов в течение жизни и посмертном вознесении на небо. Начало «легенды», скорее всего, относится к захвату Сципионом Нового Карфагена в 209 г. до н.э. Значительная часть «легенды» уже существовала к 50-м гг. II в. до н.э. и была зафиксирована у греческого автора или авторов (включая Силена), которых Полибий критиковал и использовал в качестве своих источников. Почти все легендарные эпизоды и истории относятся к юности Сципиона, а именно, ко времени Ганнибаловой войны. Докладчик рассматривал различные влияния на развитие «легенды» – греческой историографии, римской литературы, народных представлений – и показал три точки зрения на то, как сам Сципион относился к «легенде»: 1) сознательно ее создавал, чтобы манипулировать людьми; 2) был убежден в своей особой миссии и богоизбранности или 3) был лишь искренно религиозным человеком. В конце выступления были продемонстрированы кадры из двух итальянских кинофильмов (*Scipione l'Africano*, 1937 и *Scipione detto anche l'Africano*, 1971).

В своем выступлении «Дионис в Риме» Н.Ю. Сулейманова (Балацково) показала, что кульп итальянского Либера в качестве аграрного божества имел много общего в обрядности с греческим культом Диониса. Изначально Либер, как и Дионис, был богом плодородия и оплодотворяющей силы и только потом приобрел функции покровителя виноградарства. Праздники Либера и Либери в сельской местности по всей Италииправлялись с большой радостью и необузданной веселостью. Традиционным для этого круга представлений символом как у греков, так и итальянцев и многих других народов был фаллос или фасцинум, который во время сбора винограда возили по стране от селения к селению на повозке с большой пышностью и религиозной торжественностью. Фаллос был одним из символов Диониса, в Сельских Дионисиях он играл особо значительную роль. Фаллофории представляли собой главную часть Сельских Дионисий и имели египетское происхождение. Итальянский Либер как освободитель от забот и хлопот более всего соответствовал греческому Дионису-Элевтерию (Ἐλευθέριος), Лисию (Λύσιος), или Лиэю (Ληεύ), то есть Освободителю. С ростом городского населения, оторванного от земледельческих циклов, все более расходились представления сельского и городского плебса о Либере. В соответствии с этим и Либералии, отмечавшиеся в городе, приобрели несколько иной характер. Это был чисто городской празд-

ник, в котором преобладал дух горожан и обычным жертвенным даром на котором была так называемая *liba*. В этот же день подростки обычно надевали *toga libera*. На греческом празднике Великих Дионисий совершалась церемония, в ходе которой сироты, достигшие совершеннолетия, выходили на оркестру в полном вооружении гоплита, полученном от государства. Тогда и вооружение символизировали тот факт, что каждый такой юноша не только становился, но и признавался политически самостоятельным и имел право, как мужчина, вступить в гражданскую жизнь. Отождествление Диониса и Либера в религиозном сознании римлян произошло без особых потрясений и препятствий со стороны римской *civitas*.

Завершил работу коллоквиума доклад д.и.н., профессора Саратовского государственного технического университета В.Н. Парфенова «Монетное дело и политика в Боспорском царстве (конец I в. – первая четверть II в. н.э.)». Докладчик проанализировал группу монетных типов с изображением царских инсигний (*тειμαί*). По мнению нумизматов, эти монеты (почти исключительно сестерции, которые чеканились на протяжении более полутора столетий) символизируют утверждение Римом кандидатуры данного боспорского царя. С точки зрения докладчика, это упрощенный взгляд на проблему: в действительности же эти предметы (курульное кресло, скипетр, оружие) представляли собой дипломатический дар Рима союзным царям, известный еще со времен Республики. Данные инсигнии могли вручаться и вручались не только как символ признания очередного боспорского царя «другом цезаря и другом римлян», но и в ознаменование его военных и дипломатических заслуг. Это положение было проиллюстрировано в докладе конкретным нумизматическим материалом.

Надо сказать, что все докладчики – бывшие и нынешние участники *Collegium'a* – перед выступлением рассказывали о своей работе в семинаре. Большинство выступавших отметили многогранность исследовательских задач и единство цели, направленной на постижение *Altertumswissenschaft*, что всегда культивировал в своих студенческом и аспирантском семинарах его руководитель профессор В.И. Кащеев.

Увлекательные доклады с использованием демонстративного материала и видеотехники, научный дух и живость обсуждения, царившие в зале, никого не оставили равнодушными. Приглашенные слушатели – профессора А.Н. Галямичев, Н.И. Девятайкина, Т.В. Черевичко, к.и.н., доцент Д.Г. Татарников, к.филол.н., доцент Л.П. Василенко, М.Л. Свердов и многие молодые коллеги – студенты и аспиранты Саратовского университета, – стали активными участниками дискуссий.

Многие из присутствовавших отметили многоаспектность тематики прозвучавших докладов, которые отражали, по сути, все грани науки об античности: античная история и философия, классическая филология и нумизматика, античная религия и археология, история литературы и рецепция античности. Хронологически выступления охватывали темы от Бронзового века до раннего Средневековья.

При обсуждении докладов профессор В.Н. Парфенов, возглавлявший кафедру истории древнего мира СГУ с 1991 по 2009 г., поделился воспоминаниями о семинаре «Античная среда» в связи с историей кафедры. А.И. Любжин особо подчеркнул высокий научный уровень конференции и актуальность поднятых в докладах проблем для науки о древнем мире. Л.М. Лукьянова охарактеризовала два дня научных встреч как «замечательное интеллигентное общение». Своими впечатлениями поделился один из гостей мероприятия М.Л. Свердлов, который назвал коллоквиум со-бытием (в бахтинском смысле), состоявшимся в духовной культуре Саратова. М.А. Богатов сказал о всегдашнем обновлении семинара, который только вступает в пору своего взросления, ведь для античности 20-лет – это мгновение, для человека же – время существования целого поколения. Представитель «первого поколения Collegium'a» А.А. Синицын рассказал о занятиях на семинаре «Античная среда» в 1990-е гг., вспоминал о предыдущем коллоквиуме 2001 г. Выступающий отметил, что «оставаясь молодым, семинар за последнее десятилетие значительно повзрослел в научном».

В.И. Кашеев сказал о достижениях и перспективах семинара: за последние двенадцать лет пять человек, участников семинара, защитили кандидатские диссертации, а в скором времени грядут новые защиты молодых ученых, многие из которых теперь уже разъехались по России. В завершение мероприятия председатель коллоквиума поблагодарил всех участников и подвел его итоги конференции, уделив внимание каждому из прозвучавших докладов.

У входа в музей был сделан общий памятный снимок участников конференции.

Из зала заседаний дискуссии переместились в банкетный зал, где научный симпозиум завершился торжественным пиром, на котором продолжались обсуждения и поздравления «семинаристов» с юбилеем.

Два дня стали подлинным праздником встреч, научного и дружеского общения. А затем теплое прощание и ожидание дальнейшей работы «Collegium classicum», а значит, следующих юбилеев и новых встреч в рамках нашей конференции «Colloquium classicum».

После конференции был представлен краткий текстовый и фотоотчет на сайте «Либрариус.Народ». Благодарим московского коллегу, к.филол.н. В.В. Файера за содействие и предоставленную возможность разместить программу и отчет о нашей конференции.

Организаторы конференции выражают признательность Л.А. Канушиной, В.В. Жучкову и Т.В. Черевичко за содействие в подготовке и проведении мероприятия, а также всем нашим друзьям, принявшим участие в общем научном празднестве.